

Г.Б. Шамили

Самед Вургун. 100 лет со дня рождения поэта

Можно ль песню из горла украсть? Никогда!
Ты — дыханье мое, ты — мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города...
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан!
Азербайджан! Азербайджан!

С. Вургун. Азербайджан

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Самеда Вургуну (Самед Юсиф оглы Векилов) — поэта, драматурга, публициста, переводчика, общественного деятеля. Основоположник новой поэтической школы в Азербайджане Самед Вургун вошел в историю совет-

ской литературы как один из ее ярчайших представителей, снискавший прижизненное признание, но, к сожалению, рано ушедший из жизни... Н.С.Тихонов в своих воспоминаниях о поэте писал: «В Азербайджане, стране поэтов, где народ чтит такие имена, как Низами, Хагани, Вагиф, не так легко завладеть сердцами, чтобы получить высокое признание народного поэта. Самед Вургун — певец народа, сам вышедший из его рядов, сам деливший с ним все его беды и его трудный революционный путь»¹.

Уникальное дарование Вургуну было обусловлено его происхождением: он родился 21 марта

1906 года в селении Салахлы Казахского уезда, по преданию, основанного в начале XVII века одним из предков поэта — Коса Мирзали. Вургун происходил из рода потомственных интеллигентов, его отец — Юсиф-ага обладал поэтическим дарованием и блестяще играл на сазе. С детства в душу Самеда запали народные песни и сказания ашугов, неотделимые от картин родной природы, окружавших его людей, от духа его культуры:

Я чеканил слова не за хлеба кусок
У народа их брал, чтоб народу отдать,
Я не Байроном рос, но могу быть высок.
В жарком сердце не всю испялил я тетрадь.

Свободное вдохновение

Будущий поэт рано познал лишения, оставшись без матери еще ребенком и оказавшись со всей семьей в гущу революционных событий первых десятилетий XX века. Он закончил отделение горийской семинарии, где проявился его многогранный талант и далее учительствовал в разных уголках Азербайджана вплоть до 1928 года. К этому периоду относятся его первые поэтические опыты, выражающие личные переживания, неразделенную любовь, гармонию безмятежной природы. Вургун обращается к форме народной лирической поэзии — *гошма*, которая со временем обогатится новыми темами и современным содержанием, составив стиливую доминанту его творчества. Так появятся стихотворения «Горы», «Фиалка», «Весна и я», «Курб» и др.

В 1929—1931 гг. — студент Второго Московского университета, а далее — аспирант Азербайджанского педагогического института им. В.И. Ленина — Самед Вургун входит в новую жизнь с ее переменами в укладе, быту, в психологии. Современный азербайджанский поэт Бахтияр Вагабзаде так писал об этом периоде: «Азербайджанская литература переживала в ту пору, как и все советское искусство, сложный процесс ломки старых представлений, переоценки ценностей, может быть, не при таком обилии всплывших «измов», течений, группировок, как скажем, в русской литературе тех лет, но в столь же бескомпромиссной и острой идейно-эстетической борьбе. Некоторые художники старшего поколения (Гусейн Джавид, Г. Санлы, А. Назми) трудно и сложно шли к осмыслению свершившегося исторического перелома. Если иные ультрасовременные литераторы, как бы вторя футуристической запальчивой фронде («Сбросим Пушкина с парохода современности!»), провозглашали: «Мы обращаем свое лицо не к Физули, Насими, Вагифам... а к Верхарнам, Уитменам, Жюльям Роменам» (Микаил Рафили), то пионеры нового социалистического искусства в лице Джафара Джабарлы, Сулеймана Рустама, Микаила Мушфика и других талантливых творцов упрямо прорубали себе путь сквозь различные поветрия и трескучие декларации². Для Вургунa это было время написания большинства стихотворений, вошедших в книги «Клятва поэта» и «Фонарь», время исканий и проб разных стилей — от онегинской строфы до изломанного ритма Маяковского, который так и не приживется в творчестве поэта:

Я — поэт миллионов,
пропахших бензином и серой.
Я — враг буржуазных салонов,
одетых в драпри и портьеры...

Panopt

«Я ставлю своей творческой задачей раскрыть поэзию нашей действительности, — писал поэт в тот период, — дать философские обобщения важнейших тенденций нашей жизни. Я знаю — это трудный путь, но **меня поведет по нему моя совесть** (разрядка моя — Г.Ш.), моя верность советской литературе.< ...> В многочисленных поэмах, стихотворных драмах, среди которых можно

С. Вургун

назвать «Комсомольскую поэму», «Легенду о роднике», «26 комиссаров», народно-героические драмы «Вагиф», «Фархад и Ширин» (удостоенные Государственной премии), драму-поэму «Ханлар», поэмы «Мугань», «Старые друзья» я хотел воссоздать незабываемые картины далекого и близкого прошлого азербайджанского народа»¹.

Вскоре наступили тяжелые времена: репрессии, обрушившиеся с 1936 года с невероятной силой на Союз писателей Азербайджана (Вургун являлся в то время секретарем Союза), беспощадно уничтожали не только старое поколение литераторов, писателей и поэтов, но и молодое, взращенное новым временем. Тому факту, что Самед Вургун остался в живых, наверное, способствовали не только «счастливые звезды», но прежде всего личность Вургун как поэта и человека. Честный, открытый, способный в любой обстановке и при любых обстоятельствах отстаивать свои убеждения и идущий по дороге своей совести Вургун имел недоброжелателей, но в то же время, благодаря вышеназванным качествам характера, он приобрел верных друзей, понимавших всю значимость личности поэта и его место в истории азербайджанской литературы. Их преданность и бескорыстие оказались неоценимыми. Среди них — председатель Союза писателей Азербайджана, друг и соратник поэта Сейфулла Шамилов, переживший 17 лет ссылки, но прежде — тяжелейшие пытки в НКВД, так и не подписавший «улики» против друга²; Александр Фадеев, чья помощь сохранила жизнь и честное имя поэта и, наверное, многие другие люди, о которых нам неизвестно. Вургун продолжал жить, творить, через некоторое время он возглавил Союз писателей. Появились его книги «Утренняя песня» (1939), «За счастье» (1942), «Избранные произведения» (1945), «Поэмы и стихи», «Пьесы» и т. д. В 1948 г. на декаде культуры Азербайджана в Москве была поставлена драма «Вагиф» о великом азербайджанском поэте XVIII века. Строки диалога между иранским шахом Каджаром, захватившим столицу карабахского ханства — город Шушу, и поэтом Вагифом отражают внутреннее состояние поэта:

Каджар. Ты не склонился предо мной, Вагиф.
Вагиф. Я — статуя, тяжелая как совесть,
А статуи не кланяются, шах.

Вагиф

Псевдоним Вургун — в словарном значении «влюбленный», как нельзя точно отражает суть личности и творчества поэта. Он олицетворял

лучшее, что было в его поколении. Его искренняя вера в правильность выбранного пути, влюбленность в «великую современность», в многонациональную советскую литературу, формировавшую не одно поколение талантливых писателей и поэтов, отразилась во всей полноте в каждой строчке его творений.

Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдем земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я дорог не знаю лучших.
Чем те, где не встают на якоря.

Я не спешу

Самед Вургун писал на двух языках — азербайджанском и русском. Широкую известность в среде русскоязычных читателей он получил благодаря переводческим заслугам П. Антокольского, А. Адалис, К. Симонова и других мастеров русской литературы. Поэзия Вургун переведена на десятки европейских и восточных языков. Сам же поэт перевел на азербайджанский язык «Евгения Онегина» Пушкина, «Девушку и смерть» Горького, «Катерину» Шевченко, стихи И. Чавчавадзе, Джамбула и др.

В те далекие майские дни последнего юбилейного 1956 года слова всенародной любви к поэту прозвучали с особой силой, но сам поэт уже не мог присутствовать на торжестве — он переживал тяжелую болезнь, и 27 мая его не стало. Сегодня, спустя 100 лет после рождения Самеда Вургун многое изменилось на его родине в Азербайджане и на всем постсоветском пространстве. Многие факты истории окрасились в другие тона и подверглись историческому пересмотру. Но не изменилась поэзия Вургун, мелодика и ритм его стиха, сила мысли, пронизывающей душу и сердце.

Примечания и литература

¹ Тихонов Н.С. Страницы воспоминаний / Н.С. Тихонов // «Знамя». — 1963. — № 1. — С. 47.

² Вургун С. Избранное / С. Вургун. — М., 1979. — С. 11.

³ Он же. Автобиография / С. Вургун // Избранное. — М., 1979. — С. 41.

⁴ Вернувшись из ссылки в 1956 г. С. Шамилов застал С. Вургун тяжело больным и после кончины поэта написал воспоминания «Мои встречи с поэтом», опубликованные в том же году (перезданы во № 2 журнала «Азербайджан» за 1976 год), но по объективным причинам не содержащие сведения о репрессиях 1936—1939 годов.